

УДК 316.346.36:159.953 + 94:159.953 + 304.2
DOI 10.15826/tetm.2020.1-2.004

Светлана Геннадиевна Доронина

*Институт философии Национальной академии наук,
Центр историко-философских и компаративных исследований, г. Минск, Беларусь
E-mail: svetadoris@mail.ru*

Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память

В статье исследуется социальное измерение исторической памяти, а также эксплицируется социально-психологический контекст коллективных и индивидуальных воспоминаний, степень влияния которого на локальные сообщества зависит от формы запоминания, селекции воспоминаний и техник социальной меморизации. Следуя за идеями американского когнитивного социолога Е. Зарубееля, автор определяет специфику коллективной и индивидуальной памяти, а также ее связь с устойчивыми формальными структурами исторического повествования, благодаря которым воспоминания становятся транзитивными. В исследовании автор использует феноменологический подход, основанный на социологии памяти и историографических методах.

Ключевые слова: индивидуальная память, коллективная память, историческая память, социальная меморизация, исторический нарратив, формальные структуры, социальные фильтры

Для цитирования: Доронина С. Г. Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память // *Tempus et Memoria*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 36–43.

*Поступила в редакцию: 31.08.2020
Принята к печати: 30.10.2020*

Svetlana G. Doronina

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Social Structure of the Past: Individual and Collective Memory

The author in the article explores the social dimension of historical memory, and also explicates the social and psychological context of collective and individual memories. The author found that the degree of influence of social and psychological contexts directly depends on the form of memorization, selection of memories and techniques of social memorization. Taking the ideas of the cognitive sociologist E. Zarubevel as a basis, the author defines the specifics of collective and individual memory reveals its connection with the stable formal structures of historical narrative. In the study, the author uses a phenomenological approach based on the sociology of memory and historiographical methods.

Key words: individual memory, collective memory, historical memory, social memorialization, historical narrative, formal structures, social filters

© Доронина С. Г., 2020

For citation: Doronina, S. G. (2020). Sotsial'naya struktura proshlogo: individual'naya i kollektivnaya pamyat' [Social Structure of the Past: Individual and Collective Memory]. *Tempus et Memoria*, 1, 1–2, 36–43.

Submitted: 31.08.2020

Accepted: 30.10.2020

Введение

Историческое исследование, ориентированное на выявление способов регистрации прошлого, запечатленного в коллективной и индивидуальной памяти, заостряет внимание на следующей специфике исследуемого предмета: *как и что* мы помним. Историческая объективность не может являться предметом исследования по следующим причинам. Во-первых, по причине невозможности ее изучения вне познавательных и интерпретативных способностей человека; во-вторых, в силу того, что историческая память является комплексным, многоуровневым феноменом, существующим и развивающимся «в единстве своих содержательно-фактических и экзистенциально-смысловых компонентов, оформляющих поток внешнего и внутреннего опыта исторического субъекта» [6, 592].

Ряд исследователей, например, М. Хальб-вакс и П. Нора [14, 9] считают, что историографические методы исследования редуцируют историческую память к наиболее ценным, объективно-фактическим компонентам с целью построения непротиворечивой, целостной картины исторического прошлого. Этот парадокс хорошо иллюстрируется фактом избирательности индивидуальной памяти: существуют хорошо запоминающиеся события и те, что остаются в забвении. Биография (и/или автобиография), повествуя о прошлом как о чем-то целостном, связанном, законченном и само собой разумеющемся, в реальности представляет совокупность воспоминаний, обрывочных сведений, а также их вольную интерпретацию. Известный американский когнитивный психолог Элизабет Лофтус в своих работах прекрасно продемонстрировала этот парадокс, указав на невероятную пластичность памяти и легкость манипулирования ею [18].

По аналогии с биографическим описанием можно сказать: то, что принято в обществе безоговорочно называть историей, представляет собой общедоступную избирательную

коллективную память «человечества». По этой причине некоторые историки отказываются не только от исследования «самой по себе» истории, они отказываются с кропотливостью археолога реконструировать факты, являющиеся правдоподобными интерпретациями. Редуцировать историю к простой сумме единичных воспоминаний также не представляется возможным. Являясь продуктом социокультурного развития и многочисленных «мнемонических социальных сражений» [22, 97–99], историческая память представляет собой «набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексией о событиях прошлого» [11, 10].

Социальное измерение исторической памяти

Исследование социального измерения исторической памяти, раскрывающегося через фиксацию различных способов и форм запоминания прошлого, представляется наиболее интересным по следующим причинам. Во-первых, потому, что личностная самоидентификация, связанная с принадлежностью индивида к определенному социальному коллективу (группе, корпорации, нации т. д.), активно участвующего в формировании его мировоззрения, осуществляется только в рамках процесса социализации. Во-вторых, вместе с социализацией человек автоматически приобретает знание о коллективном прошлом, запоминание которого обусловлено существованием общих «свободных» мнемонических ассоциаций. По причине того что человек, обладающий индивидуальной памятью, постоянно включен в процесс коллективной и социальной меморизации, говорить об индивидуальных постижениях тайн прошлого и личных предпочтениях не представляется возможным.

Хорошо демонстрирует эти выводы пример, связанный с проведением, таких, казалось бы,

сугубо личных праздников, как день рождения, юбилей, свадьба и т. д., выбор и способ празднования которых обусловлены социальными традициями. Если говорить о национальных или религиозных праздниках, то в них, по мнению американского социолога Э. Зерубевель, «мнемоническая синхронизация» была и остается прототехнологическим предзнаменованием современной «глобальной деревни» [22, 97]. Причем в конституировании общей коллективной памяти фундаментальное значение приобретает не столько содержание того или иного события, сколько то, как оно вспоминается и маркируется. Например, празднование восточными славянами Радуницы или Пасхи не означает, что каждый из пришедших имеет достаточное представление о содержании и смысле этих событий, но хорошо демонстрирует преобладание коллективной памяти, в которой образ этого праздника запечатлен как значимое событие.

Речь идет о существовании ментальных безличных фильтров, влияющих на то, каким образом человек обрабатывает информацию и маркирует то или иное событие. К таким фильтрам можно отнести многочисленные ментальные схемы, формальные структуры сюжета, используемые человеком в качестве шаблонов. Техники запоминания представляют собой четко управляемый процесс, установленный социальными нормами памяти [Там же, 13, 84], в то время как сформированное в соответствии с ожиданиями определенных социальных и культурных установок воспоминание чаще всего является неосознанным и иллюзорным приобретением.

«Мнемоническая социализация» ведет к тому, что автобиография человека удлиняется и расширяется, поскольку включает в себя не только память о событиях, имеющих прямое отношение к личности, но и воспоминания о коллективном прошлом. Этот феномен можно наблюдать, например, на уроках обществознания и истории, в исторических музеях, в рамках которых знания о прошлом преподносятся и интерпретируются с общепринятой позиции. Менее заметные эффекты «социальной меморизации» можно обнаружить практически в любых микрособытиях повседневности, не имеющих четкой направленности и подчеркнутой значимости. Например,

национальный орнамент или символика на повседневных вещах, отсылающих к определенному контексту исторических событий, через которые индивидуальная память приобщается к коллективной. Во всех этих событиях присутствуют молчаливые правила запоминания прошлого, в результате чего заявление об автономии личных воспоминаний ставится под вопрос [12, 341–358; 15, 271–278].

Освобождая человека от личной ответственности, коллективная память как на макро-социальном, так и на микросоциальном уровне заменяет индивидуальную потребность в сохранении избирательной информации о прошлом. С помощью определенных формальных структур, которые, в случае употребления общих правил, облегчают процесс социализации, коллективная память вытесняет необходимость индивидуального и контекстуального понимания прошлого и акцентирует внимание на существовании универсальных схем, игнорирующих альтернативные интерпретации [22, 2–6, 20–22].

С одной стороны, человек обладает индивидуальной памятью, фиксирующей и сохраняющей значимые для нее события по неким произвольным субъективным правилам (речь не идет о биологических, нейрофизиологических, а также психологических особенностях), а с другой — существует коллективная память, структурная организация которой задается социальными нормами и правилами. В обоих случаях запоминание прошлого становится историей только в том случае, если появляются устойчивые формальные структуры, благодаря которым воспоминания становятся транзитивными.

Социальная и индивидуальная форма прошлого

Исходя из того, что не являющаяся простым воспроизведением прошлого или спонтанным процессом запоминания история представляет собой совокупность коллективных практик запоминания, интересно определить, как неструктурированные серии дифференцированных друг от друга событий конституируются в последовательные и целостные исторические повествования. Причем, по утверждению

некоторых исследователей, каждая культура имеет свои излюбленные сюжетные линии рассказов о прошлом, исторический и культурный контекст которых указывает на существование определенных традиций воспоминания [3; 13, 47, 65; 19, 18], схематичных форм повествований, редуцирующих исторические события к упрощенным сюжетным формам.

Примерами сюжетных линий повествования являются идеи бесконечного и постепенного прогресса, неизбежного регресса, циклического развития. Помимо сюжетов повествования о прошлом, имеющих четко направленный вектор движения, существуют другие, зигзагообразные, схемы, повествующие о процветаниях и упадке, отображающихся на исторической диаграмме пиками и спадами [17]. Плюрализм, представленный рядом повествований о прогрессе, упадке или их сочетании, задействует сюжетные линии, наделяющие историю объективным законом и целью.

В настоящий момент превалируют концепции, описывающие жизнь как ризому, развивающуюся сразу в нескольких направлениях. В этом случае повествование о прошлом представляет собой полилинейную конструкцию, не связанную с направленностью процесса [21, 51].

Исторический нарратив также может структурироваться путем дифференциации социально значимых исторических периодов, обладающих большой мнемонической плотностью, от незначительных и относительно «пустых» периодов [7, 318; 19, 212]. В этом случае повествования отличаются друг от друга мнемонической плотностью, под которой понимается интенсивность восприятия человеком или коллективом определенных исторических периодов, устанавливающих четкие границы между прошлым и настоящим.

Качественный подход ко времени позволяет описывать прошлое с помощью социальных категорий, дифференцирующих запоминающиеся, «насыщенные события» исторических периодов от «пустых», незначимых исторических «усыплений» [16, 75; 20, 212], подвергающихся социальному забвению. Техники запоминания и социальные фильтры создают условия для избирательного запоминания прошлого, в результате чего конструируется историческая

неоднородность повествований: одни периоды воспринимаются и вспоминаются как более интенсивные и значимые, другие — мимолетные и «темные» — остаются на задворках памяти. Качественная неоднородность идентичных временных интервалов акцентирует внимание не на хронологии событий, а на специфике социальных практик запоминания, порождающих феномен коллективной памяти, представляющей собой нечто большее, чем сумма индивидуальных воспоминаний.

Являясь по сути бимодальной системой, социальная форма прошлого обычно включает два хронологически плотных кластера, представляющих собой памятные и бесплодные события, отделенные друг от друга временными отрезками. Несмотря на общепринятую традицию устанавливать четкие границы между прошлым и настоящим, «бесплодными» и «пустыми» историческими событиями, эти условные временные интервалы не являются самостоятельными конструкциями, свободными от человеческого восприятия. В свое время К. Леви-Стросс отметил, что «меняющееся количество дат, применительно к периодам равной протяженности, измеряет то, что можно назвать напором истории: есть «горячие» хронологии, являющиеся хронологиями эпох, где, на взгляд историка, многие события имеют черту дифференциальных элементов; другие же, с точки зрения этого же историка (но не людей, их переживших), имеют весьма мало событий, а иногда и никаких» [7, 318]. Этот факт можно проиллюстрировать на примерах проведения ежегодных циклов памятных праздников, указывающих на существование изменчивой мнемонической плотности различных отрезков истории и отражающих неравномерное хронологическое распределение исторической «событийности».

По одной из гипотез кризис идентичности в современном мире вызван параллельным сосуществованием различных по структуре и сюжетной линии дифференцированных друг от друга нарративов, имеющих разную временную и пространственную организацию. В результате резкого ускорения социальных и технологических изменений происходит рост «одноразовых», быстро устаревающих повествований. В ответ на этот вызов возникает консервативное стремление сохранить

историческую преемственность, остановить изменения, угрожающие устойчивой традиции.

Одним из примеров, демонстрирующих данные тенденции, является повышенный интерес в постсоветских странах к своему коммунистическому прошлому. Возникают разнообразные виды ностальгии, проявленные в индивидуальной и коллективной форме, например, возрождаются пионерские и другие молодежные организации, широко используется символика прежних лет и др. Захлестывающая, как правило, во времена сильных политических, культурных или экономических кризисов волна ностальгии является попыткой восстановить историческую непрерывность и сохранить идентичность путем получения доступа к безвозвратно ушедшему прошлому [8; 10, 9–36].

Феномен ностальгии неизбежно поднимает философский вопрос об исторической преемственности: как практически разрозненные и дифференцированные события со временем превращаются в совокупность «последовательных восприятий»? Поскольку этот феномен напрямую связан со способами нашего восприятия, то речь идет не о непрерывности исторических событий, а о попытках ментальной интеграции разъединенных друг с другом моментов времени. Мнемонические усилия по интеграции отдельных временных интервалов позволяют создать в индивидуальной памяти непрерывный образ объекта (Гуссерль, Бергсон). Такой же метод используется для создания прочной «целостной исторической ткани», не терпящей «ран» исторических разрывов [16, 47].

Имитация прошлого в сочетании с постоянными попытками его возобновления (репликацией) создает иллюзию постоянного реального физического контакта безвозвратно ушедшего с присутствующим настоящим, благодаря чему генерируются иконические представления об истории [22, 70–71]. К таким попыткам можно отнести многочисленные современные архитектурные проекты, использующие древние, казалось бы, уже не актуальные элементы дизайна в современных постройках. На мой взгляд, эту особенность хорошо иллюстрируют современные решения, реализованные в Батуми. Там есть своя венецианская площадь Пьяцца (подлинник которой принадлежит

эпохе XVII в.), площадь Аргонавтов в честь участников похода в Колхиду из древнегреческой мифологии, а колорит национальных достопримечательностей подчеркивается советским наследием (по окраинам города тянутся знакомые с детства бетонные коробки) и современными строениями в постмодернистском стиле. Такой эклектизм свидетельствует не только о попытках возобновить прошлое, но и демонстрирует отчаянное стремление, преодолевая пространственно-временные рамки, уменьшить исторический разрыв.

Многое из того, что мы понимаем под термином «традиция», представляет собой синтез различных ритуальных усилий по интеграции в коллективное прошлое. В случае если локальные традиции распадаются, возникает эффект смешанных типов идентификации, формирующихся под воздействием объективного процесса глобализации. На сегодняшний момент сохранившиеся религиозные ритуалы, всевозможные этикетки, этнические кухни и многое другое так причудливо перемешались, что стали еще более впечатляющими и поэтому запоминающимися. Старо-новые традиции свидетельствуют о многочисленных попытках создать иллюзию постоянства и возобновляющегося прошлого.

Наиболее ярко симулятивные попытки «пережить» прошлое проявляются в столь любившихся современному человеку ритуальных театрализованных представлениях. Если говорить о Беларуси, то за последнее время количество таких реконструкций значительно увеличилось: ежегодный фестиваль «Менск Старажытны»; военно-исторические реконструкции, посвященные Дню Победы; многочисленные рыцарские клубы, воссоздающие исторические события. Такая квазисинхронность в совокупности с постоянством места достигает своей цели — путем установления определенных циклов «воскресить» коллективное прошлое и достичь слияния с ним [2].

В синхронизации «сейчас» и «тогда», пусть даже в символической форме, проявляется консервативное стремление человека к постоянству, приводящее к ригидным схемам восприятия мира. С точки зрения индивидуальной синхронизации интересны примеры, когда биографические несоответствия между прошлым и настоящим личности приводили

к социальной нетерпимости, что, по мнению Е. Зарубееля, делает шантаж весьма прибыльным бизнесом [23, 104–105]. Дискурсивное производство непрерывного биографического повествования — это, по сути, воспроизведение единичных элементов прошлого, соответствующих существующей на данный момент личностной идентификации, и преуменьшение или абсолютное игнорирование несовместимых с этим моментом частей личной биографии. Написание личной истории требует от создателя умения различать «существенные» аспекты биографии и «случайные», не соответствующие идентичности настоящего момента. То же можно сказать и о коллективных повествованиях, в которых «за скобки» выносятся целые временные интервалы, не соответствующие настоящим представлениям о том или ином явлении, личности, событии.

Мысленно сконструированные цепочки воспринимаются людьми за реальные временные интервалы исторического расстояния, с помощью которых измеряется и сжимается социальная, историческая и даже географическая дистанция. По этой причине так тревожно воспринимаются людьми «переходные периоды», связанные с кардинальными переменами, нарушающими иллюзию целостности и защищенности. Естественной реакцией на такие перемены является сопротивление, выражающееся в следующем императиве: любой ценой сохранить преемственность. Консервативная тенденция прославлять светлое легитимное прошлое и стремление недооценивать настоящее может проистекать из страха перед будущим, угрожающим неизвестностью, в то время как циклический возврат в прошлое обеспечивает иллюзию комфортного и знакомого постоянства.

Заключение

Неоднозначность «обращения» с прошлым позволяет говорить о существовании социально-психологического контекста коллективных воспоминаний, степень влияния которого на локальные сообщества зависит от практик запоминания и селекции воспоминаний. Более того, как считают некоторые исследователи, именно участие индивидуальной памяти

человека в социальных играх, делает возможной любую умственную интеграцию [14, 121, 128]. Это лишний раз демонстрирует, что индивидуальная и коллективная память, являющиеся продуктом социальных правил, принятых в обществе, используются в качестве ресурса «безболезненной» идентичности.

Не будет преувеличением сказать, что удвоенное значение памяти (коллективной и индивидуальной) повышает уровень человеческой ответственности, вызывающей к осознанному и правдивому исследованию прошлого. Способы, которыми человек запоминает и описывает прошлое, напрямую связаны с тем, как он понимает себя и насколько готов нести ответственность за собственное и коллективное настоящее [4, 76–79]. Поэтому, по мысли белорусского философа В. Б. Еворовского, «любая попытка самостоятельно мыслить потребует создания истории самого себя, понимания того, что отличает мою историю от истории другого» [5, 36–37].

Поскольку человеческая память не только сохраняет прошлое в форме различных легитимных репрезентаций, но и принимает участие в оценке знания этих воспоминаний, то историческое знание, которое, по мнению А. Меггила, является «формой памяти... связывающей прошлое, настоящее и будущее в общей структуре воспоминания» [8, 98], не может быть бесстрастным и отстраненным.

Более беспристрастный и, следовательно, объективный подход связан с плюралистическим взглядом на историю, учитывающим факт существования различных социально ангажированных мнемонических практик и механизмов репрезентации [4, 76–79]. Такой подход подвергает критике не саму историю, а лишь узкий и однозначный взгляд на прошлое, который, по мысли голландского философа Ф. Р. Анкерсмита, является «интеллектуальной ампутацией» [1, 14]. Анализ вариативных моделей организации прошлого позволяет установить множественную перспективу исследования, нацеленную на создание объемной картины многослойной и многогранной истории.

Исследование социального измерения исторического прошлого позволило выявить социально-психологический контекст коллективной и индивидуальной памяти. Установлено, что степень влияния социально-психологического

контекста на общественное существо (индивид, группа, коллектив, сообщество и т. д.) напрямую зависит от практик запоминания, благодаря которым формируются исторические повествования, осуществляется корреляция между индивидуальной и коллективной памятью. Определено, что индивидуальная память,

включенная в процесс коллективного запоминания, является одновременно и инструментом, и участником передачи, трансляции и интерпретации коллективных воспоминаний о прошлом, передающихся в форме устных и письменных традиций, материальных памятников и других артефактов.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М. : Европа, 2007.
2. Васильев А. Г. Места памяти // Теория и методология исторической науки / под. ред. О. В. Воробьева. М. : Аквилон, 2016. С. 263–267.
3. Васильев А. Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций // Человек и культура. 2015. № 1. С. 79–91.
4. Доронина С. Г. Социальная структура прошлого // Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания : материалы Четвертой междунар. науч. конф. : в 2 т., Минск, 14–15 ноября 2019 г. / редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. Минск : Четыре четверти, 2019. Т. 2. С. 76–79.
5. Евароўскі В. Б. Нацыянальная філасофія Беларусі: тэорыя, архелогія, гісторыя, генеалогія, школа : дис. ... канд. філос. наук. Мінск : Беларуская навука, 2014.
6. Капионова Т. А., Белокрылова В. А., Никитина Ю. Ф. Исследования исторической памяти: динамика индивидуального и коллективного начал : материалы междунар. науч. конф. и X науч.-теорет. семинара, Минск, 17–18 мая 2016 г. : в 2 ч. / науч. ред. совет: А. В. Данильченко [и др.]. Минск : БГУ, 2016. Ч. 2. С. 591–594.
7. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер. с фр. В. Иванова. М. : Республика, 1994.
8. Меггил А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М. Кукарцевой и др. М. : Канон+ : РООИ Реабилитация, 2007.
9. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 391–403.
10. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности : коллектив. моногр. / под. ред. Л. П. Репиной. М. : Аквилон, 2020.
11. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания. М. : ГУ ВШЭ, 2003.
12. Fivush R., Haden C., Reese E. Remembering, Recounting, and Reminiscing: The Development of Autobiographical Memory in Social Context // Rubin D. C. Remembering Our Past : Studies in Autobiographical Memory. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. P. 341–358.
13. Graham G. The Shape of the Past: A Philosophical Approach to History. Oxford : Oxford University Press, 1997.
14. Halbwachs M. The Collective Memory. N. Y. : Harper and Row, 1980.
15. Hirst W., Manier D. Remembering as Communication: A Family Recounts Its Past // Rubin D. C. (Ed.) Remembering Our Past: Studies in Autobiographical Memory. Cambridge, 1996. P. 271–290.
16. Kubler G. The Shape of Time. New Haven, Conn. : Yale University Press, 1962.
17. Lasch C. The True and Only Heaven: Progress and Its Critics. N. Y. : W. W. Norton, 1991.
18. Loftus E. Illusions of Memory // Proceedings of the American Philosophical Society. 1998. March. Vol. 142 (1). P. 60–73.
19. Mandler J. M. Stories, Scripts, and Scenes: Aspects of Schema Theory. Hillsdale, N. J. : Lawrence Erlbaum, 1984.
20. Sorokin P. A. Sociocultural Causality, Space, Time. A Study of Referential Principles of Sociology and Social Science. Durham, North Carolina : Duke University Press, 1943.
21. Gould S. J. Wonderful Life: The Burgess Shale and the Nature of History. N. Y. : W. W. Norton, 1989.
22. Zerubavel E. Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1997.
23. Zerubavel E. Personal Information and Social Life // Symbolic Interaction. 1982. Vol. 5(1). P. 104–105.

References

1. Ankersmit, F. R. (2007). *Vozvyshennyi istoricheskii opyt* [A Magical Historical Experience]. Moscow: Evropa.
2. Vasil'ev, A. G. (2016). Mesta pamyati [Places of Memory]. In O. V. Vorob'eva, *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki*, 263–267. Moscow: Akvilon.
3. Vasil'ev, A. G. (2014). Traditsiya i kul'turnaya pamyat' v kontekste sotsial'nykh innovatsii [Tradition and Cultural Memory in the Context of Social Innovation]. *Chelovek i kul'tura*, 1, 79–91.
4. Doronina, S. G. (2019). Sotsial'naya struktura proshlogo [Social Structure of the Past]. In A. A. Lazarevich (ed.), *Intellektual'naya kul'tura Belarusi: kognitivnyi i prognosticheskii potentsial sotsial'no-filosofskogo znaniya: materialy Chetvertaya mezhduнародnaya konferentsiya: v 2 t., Minsk, 14–15 noyabrya 2019*, 2, 76–79. Minsk: Chetyre chetverti.
5. Evaroŭski, V. B. (2014). *Natsyanal'naya filasofiya Belarusi: teoryya, arkhelogiya, gistoryya, genealogiya, shkola* [National Philosophy of Belarus: Theory, Archeology, History, Genealogy, School]. Minsk: Belaruskaya navuka.

6. Kapitonova, T. A., Belokrylova, V. A., Nikitina, Yu. F. (2016). Issledovaniya istoricheskoi pamyati: dinamika individual'nogo i kollektivnogo nachal [Historical Memory Studies: Dynamics of Individual and Collective Beginnings]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii i Kh nauchno-teoreticheskogo seminara. Minsk, 17–18 maya 2016: v 2-kh ch.*, 2, 591–594. Minsk: BGU.
7. Levi-Stross, K. (1994). *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive Thinking]. Moscow: Respublika.
8. Meggil, A. (2007). *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow: Kanon+ : ROOI Reabilitatsiya.
9. Nora, P. (2005). Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World Commemoration]. *Neprikosnovennyi Zapas*, 2–3, 391–403.
10. Repina, L. P. (ed.) (2020). *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti: kollektivnaya monografiya* [The Past for the Present: History-memory and Narratives of National Identity: a Collective Monograph]. Moscow: Akvilon.
11. Repina, L. P. (2003). *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya* [Cultural Memory and Problems of Historical Writing]. M.: GU VShE.
12. Fivush, R., Haden, C., Reese, E. Remembering, Recounting, and Reminiscing: The Development of Autobiographical Memory in Social Context. In D. C. Rubin. *Remembering Our Past: Studies in Autobiographical Memory*, 341–358. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Graham, G. (1997). *The Shape of the Past: A Philosophical Approach to History*. Oxford: Oxford University Press.
14. Halbwachs, M. (1980). *The Collective Memory*. New York: Harper and Row.
15. Hirst, W., Manier, D. (1996). Remembering as Communication: A Family Recounts Its Past. In D. C. Rubin (Ed.), *Remembering Our Past: Studies in Autobiographical Memory*, 271–290. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Kubler, G. (1962). *The Shape of Time*. New Haven. Conn.: Yale University Press.
17. Lasch, C. (1991). *The True and Only Heaven: Progress and Its Critics*. New York: W. W. Norton.
18. Loftus, E. (1998, March). Illusions of Memory. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 142 (1), 60–73.
19. Mandler, J. M. (1984). *Stories, Scripts, and Scenes: Aspects of Schema Theory*. Hillsdale; N. J.: Lawrence Erlbaum.
20. Sorokin, P. A. (1943). *Sociocultural Causality, Space, Time. A Study of Referential Principles of Sociology and Social Science*. Durham; North Carolina: Duke University Press.
21. Gould, S. J. (1989). *Wonderful Life: The Burgess Shale and the Nature of History*. New York: W. W. Norton.
22. Zerubavel, E. (1982). Personal Information and Social Life. *Symbolic Interaction*, 5 (1), 104–105.
23. Zerubavel, E. (1997). *Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology*. Cambridge: Mass., Harvard University Press.

Сведения об авторе

Доронина Светлана Геннадиевна, аспирант Центра историко-философских и компаративных исследований, Институт философии Национальной академии наук, г. Минск, Беларусь

Information about the author

Svetlana G. Doronina, Graduate Student, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus